

ОБРАЗ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ У КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ: ИДЕАЛЬНЫЙ СУВЕРЕН – РЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Постановка проблемы. Исследовательский интерес последних десятилетий к антропологической, гендерной, интеллектуальной составляющим истории заново «открыл» Кристину Пизанскую как поэтессу, писательницу, историка и политического мыслителя. В зарубежной историографии работы, посвященные отдельным аспектам ее творчества, растут с каждым годом в геометрической прогрессии [4; 7]. В отечественной историографии исследований, посвященных творчеству первой европейской «профессиональной» писательницы, крайне мало [10; 11; 12].

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные авторы XIX в. и значительной части XX в. немало постарались, чтобы представить Кристину Пизанскую «синим чулком» и универсальной посредственностью: ее обвиняли в поверхностности суждений, несостоятельности идей, наспех создаваемых на заказ или щедро заимствуемых у античных авторов и механически переносимых ею в собственные произведения. Ее описание модели государственного устройства объявляли «грустно старомодным», «консервативным», «неоригинальным» и «ретроградным», «обратным током крови» в «мужском стриме» политических идей XV в. [11, с. 74, 78]. Сторонники подобной точки зрения отрицают какой-либо вклад писательницы в западноевропейский литературный и исторический дискурс, отводят Кристине Пизанской незначительную, «ретрансляционную» роль в истории становления западной исторической и политической мысли. В работах Франсуазы Отран, Клода Говара, Жюэля Бланшара, Ангус Кеннеди, Лилианы Дюлак, Жозет Андре Висман, Нади Марголис, Джеймса Ледлоу, Розалинды Браун-Грант, Ренаты Блюменфельд-Косински, Жаклин Серкельини-Туле и других авторов намечился новый, более продуктивный и взвешенный подход к изучению наследия писательницы [12, с. 268–269].

Целью статьи является рассмотрение вопроса о том, насколько идеальный суверен в трактате Кристины Пизанской является литературным героем и насколько он соответствует реальной личности французского монарха. Мы попытаемся проследить, как реализуются различные подходы и методики, на примере одной выбранной для анализа работы писательницы – «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» [2; 3].

Изложение основного материала. Проблема возникает уже на уровне определения жанра сочинения Кристины Пизанской. Ж. Бланшар, К.Л. Форхан и Л. Дюлак уверены, что мы имеем дело с зеркалом и исторической биографией [1, с. 214; 6, с. 27–34; 5, с. 148]. Переводчики трактата на современный французский язык Э. Хикс и Т. Моро приходят к выводу, что «Книга деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» не является исторической работой в строгом смысле слова, поскольку преследует цель создания некоего идеального поведенческого образца; это скорее сборник примеров для подражания, одобренных философскими рассуждениями, предназначенными для обучения наследника престола [3, с. 17, 28]. С оценкой сочинения Кристины Пизанской как эмфатического восхваления согласны С. Соленте [2] и Н. Марголис [8, с. 372]. Более сдержаны в оценках М. Циммерманн [9, с. 165, 169] и Д. Делогю: по их мнению, «Книга деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» представляет собой сложный текст с элементами биографии, истории, зеркала принца, морального, философского и политического трактата. Л. Дюлак считает, что философские размышления в последней части «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» поглощают, отодвигают в тень биографический контекст, жизнеописание короля становится отправной точкой, дающей Кристине Пизанской возможность показать эрудицию, изложить свои представления о королевской добродетели, идеальном суверене и природе мудрости [5, с. 156].

Кристине Пизанской на момент написания работы было сорок лет. Она известная поэтесса, литератор, полемист [2, т. 1, с. 74]. Младший брат покойного короля избрал Кристину Пизанскую для написания назидания для своего внучатого племянника. Многие ее идеи взяты у разных авторов, она не пытается скрыть компилятивный характер своего текста или представить идеи и слова других писателей как свои собственные. В главе 2 книги I Кристина говорит о «*ceste present petite compilation*» [2, т. 1, с. 6] и о просьбе Филиппа Бургундского «*compillasse un traittié*» [2, т. 1, с. 7]. Она видит свою задачу в организации, рекомбинации, контекстуализации материала как приеме создания нового текста. Своим недоброжелателям и будущим критикам ее «компилятивной» манеры письма Кристине Пизанской отвечает в главе 21 книги II метафорой архитектора и вышивальщицы [2, т. 1, с. 190–191]. На возможные упреки в женском невежестве в таких сугубо мужских сферах деятельности, как рыцарство, Кристине Пизанской отвечает цитатой из Юга де Сен-Виктор, который писал, что мудрый человек смотрит не на личность учителя, а на качество того, чему учат [2, т. 1, с. 191]. Писательнице пришлось столкнуться с такого рода отношением на стадии сбора материала для сочинения: в главе 18 книги II она сообщает, что

некоторые из служащих Карла V не желали обсуждать с *ignorant femme* подробности повседневной жизни и деятельности монарха [2, т. 1, с. 182].

Для Кристины Пизанской ее сочинение – дань уважения покойному королю. В главе 18 книги II автор подчеркивает апологетическую природу своего начинания [2, т. 1, с. 181]. Но, помимо панегирического аспекта, в работе писательницы ярко выражен назидательный компонент [2, т. 1, с. 104]. Она надеется, что ее «Книга деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» будет побуждать к добродетели. Образ Карла V явно и неоднократно предлагается в качестве примера, которому надлежит следовать [2, т. 1, с. 37, 51; 2, т. 2, с. 132].

Откровенно дидактическая цель сочинения Кристины Пизанской связывает «Книгу деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» с традицией зеркал – работ, направленных на руководство интеллектуальным, моральным и духовным развитием государей, описывающих идеал правителя и объясняющих, как его достичь. Писательница использует в качестве образца такие зеркала, как «Поликратик» Иоанна Солсберийского и «О правлении государей» Эгидио Колонна (вероятно, в переводе Анри Гоши). Различные зеркала отдавали предпочтение разным добродетелям или их сочетаниям, а конкретные условия определяли круг востребованных достоинств. У Кристины Пизанской основными королевскими достоинствами являются мудрость и благоразумие [2, т. 2, с. 10, 21, 22, 25, 28]. Благоразумие Карла V направлено на улучшение жизни его подданных. Это внимание к общественному благу – не альтруизм, ведь процветание народа – основа могущества и авторитета монарха [12, с. 268–274]. Отличие от традиционного жанра зеркал состоит в сочетании назидательности с элементами биографии. Вместо того чтобы полагаться исключительно на абстрактные принципы или теории, Кристина Пизанская использует конкретные индивидуальные и исторические детали. В то время как ранние зеркала использовали исторические примеры для иллюстрации конкретных качеств, писательница делает воплощением идеала характер и дела одного человека.

Второй вопрос, вызывающий серьезные споры, – проблема главного героя. На первый взгляд самоочевидное и закрепленное декларациями самой Кристины Пизанской понимание образа Карла V в качестве стержневого, якорного (по определению Ж. Бланшара [1, с. 224; 11, с. 75–76]), организующего вокруг себя весь материал работы, также подвергается сомнению. Ряд авторов делают акцент на автобиографическом характере работы, настаивают как минимум на двух главных героях: Кристина предстает как литературный, интеллектуальный, женский двойник мудрого короля. Писательница организует, выстраивает свое произведение подобно тому, как Карл V выстраивает французскую государственность (образ архитектора). А возможно, Кристина Пизанская использует образ Карла V для демонстрации собственного интеллекта, образ мудрого короля – только предлог для обсуждения широкого круга тем, волновавших современников. В качестве аргумента приводят частые, обстоятельные и зачастую уходящие далеко от рассмотрения фигуры Карла V и его деяний отступления [5, с. 156]. Только 5 из 39 глав книги II, в которой Кристина пытается продемонстрировать, что Карл V был «*vray chevalereux*» [2, т. 1, с. 243], сосредоточены на личности короля (главы 7–10 и 29), в то время как главы 5–6 и 19 обсуждают личность Карла V наравне с другими темами. Главы 1–4, 11–18, 20–28 и 30–39 сосредоточены в основном или исключительно на других предметах. Действительно ли Карл V является предметом работы Кристины Пизанской или же он просто выступает в роли предлога либо рамок для обсуждения широкого круга других тем и дает автору возможность показать свою эрудицию?

Все же ответим утвердительно – главным героем сочинения является именно Карл V. После всех отступлений Кристина Пизанская возвращается к теме центрального персонажа, используя такие формулы, как «*retournant à nostre matiere*», «*en retournant à ma matiere, que trop au delaisié*» [2, т. 1, с. 36, 79].

Кристина Пизанская написала свою работу через четверть века после смерти своего главного героя. Прошло достаточно времени, чтобы впечатления «отстоялись», оформились в определенное мнение. Писательница – ровесница правления Карла V: ее детство и девичество прошли при королевском дворе. В определенном смысле работа Кристины Пизанской – мемуары. Она и не пишет ничего о докоролевском (весьма драматичном) периоде жизни своего персонажа. При составлении «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» она полагалась не только на письменные источники, но и на информацию, полученную от «*pluseurs gens notables*», состоявших на королевской службе [2, т. 1, с. 9, 181], и на свои личные воспоминания о правлении мудрого короля. Это делает дискурс неформальным и живым, житейские зарисовки придают образу короля большей реалистичности. Смерть Карла V описана по воспоминаниям отца писательницы [2, т. 2, с. 180], в личной близости которого к покойному не приходится сомневаться. Плутарх подчеркивал значимость мелких деталей и случайных замечаний для описания исторических личностей. Кристина Пизанская пытается проявить личность своего персонажа через поведенческие стереотипы (в обращении с близкими, женой и детьми) или речевые особенности (такие как замечания, сделанные в разговорах наедине, либо шутки), а также через его предпочтения в проведении досуга и книгах. По утверждению автора, радостные, светлые девические воспоминания наряду с совершенством достоинств и добродетелей короля сделали написание работы особенно приятным [2, т. 2, с. 193].

В индивидуальном сознании прошлое по отношению к настоящему всегда идеализировано. Карл V правил в золотом веке молодости Кристины Пизанской в мирное и благополучное для Франции время, он был покровителем ее отца и семьи [8, с. 372]. Кристина восхищена (и не скрывает этого) своим персонажем, но вместе с тем это не слепая и безрассудная восторженность. Она предугадывает возможные направления критики и отвечает, предвосхищая замечания недоброжелателей. Она делает все возможное, чтобы объяснить и оправдать то, что может быть воспринято как недостатки Карла V.

В книге II, предвосхищая возможные обвинения Карла V в трусости [2, т. 1, с. 131], Кристина Пизанская замечает, что, во-первых, Карл V успешно участвовал в военных кампаниях до его коронации; во-вторых, впоследствии он страдал от болезни, которая препятствовала его личному и физическому участию в военных кампаниях; в-третьих, в любом случае благоразумие и мудрость более важны для рыцарства, чем физическое участие в его походах. Писательница опирается на авторитет Вегеция и сравнивает поведение и успехи Карла V с достижениями римлян [2, т. 1, с. 132–133]. Кристина Пизанская объявляет Карла V образцом рыцарства, смысл которого уже не в сугубо военной успешности, а в эффективном правлении в самом широком смысле слова. А главная задача хорошего правления – поддержание мира ради общественного блага [8, с. 372; 6, с. 143–144; 10, с. 61].

Образ рыцарственного короля как хранителя мира отвечал чаяниям времени внутренних смут, раздиравших королевство изнутри. Установление и сохранение мира и, следовательно, процветание королевства – истинная сущность рыцарства, поэтому Кристина Пизанская сравнивает Карла V с его тезкой, императором Карлом Великим, правителем прошлого, королем-воином по преимуществу. Однако по ходу повествования Кристина модифицирует традиционный образ Карла Великого – короля-воина – в иной, а именно в образ Карла Мудрого, который гораздо ближе ее собственному монархическому идеалу. В «Книге деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» Карл Великий представлен не только успешным монархом-основоположником и знаменитым рыцарем, но и интеллектуалом, своего рода двойником и предтечей Карла V [2, т. 2, с. 46]. В новой трактовке идеального государя, олицетворяемой у Кристины Пизанской образами Карла Мудрого и Карла Великого, шевалье (рыцарь) уступает место стратегу (мудрецу).

Официальная историография (сен-денийские хроники) дает хронологию событий, писательница сознательно отказывается от последовательного пересказа (например, хода и перипетий отвоевания французских территорий) в пользу общего взгляда на действия короля [2, т. 1, с. 198]. Приблизительный хронологический порядок следования – от рождения Карла V в книге I (о рождении главного героя своего сочинения автор расскажет только в главе 6 книги I, а его детство и юношество, то есть весь процесс взросления, окажутся вне пределов ее интереса) до его смерти в книге III [2, т. 2, с. 180] – выдерживается в работе. Однако перемежающие повествование житейские истории и нравоучения взяты из разных периодов его жизни без какого-либо порядка, а даты указываются редко.

Текст организован тематически, а не хронологически, как можно было ожидать от биографического произведения. Каждая из трех книг сочинения Кристины Пизанской иллюстрирует одну из избранных ею добродетелей Карла V: благородство, рыцарство, мудрость [2, т. 1, с. 6, 11; 10, с. 62].

Событийная сторона жизни и правления Карла V является для автора только канвой, материалом для создания образа. Она осознает себя архитектором, творцом образа монарха. И не просто правителя, а идеального суверена. Ее герой – тоже архитектор, устроитель государственности [2, т. 2, с. 36].

Самым ярким аспектом нового идеала Кристины Пизанской, как мы видели в отношении рыцарства, является мудрость или благоразумие для короля. Следствие этого качества подчеркивается самой структурой «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V», поскольку книга III, в которой обсуждается мудрость, является кульминацией работы. Произведение сконструировано так, чтобы завершить описание характеристикой интеллектуальных качеств короля и их практического применения. Мудрость жизненно важна для правителя, она находится на первом месте среди добродетелей. Она составляет основу силы и успеха Карла V (и, по словам писательницы, тех, кто следует его примеру). Через образ «*princeps litteratus*» Кристина Пизанская предлагает идеальный союз политической власти и интеллекта. Объединение знаний и власти подчеркивает ее принципиально прагматичный взгляд на суверена.

Традиционная парадигма монархии требовала, чтобы идеальный суверен был успешным в военном отношении. Кристина Пизанская посвящает книгу II «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» личному рыцарству короля [2, т. 1, с. 105]. Она пересматривает само определение рыцарства и анализирует соответствие Карла V четырем его составляющим [2, т. 1, с. 117–118]; сделан акцент на конечных результатах или «*les effectz des choses*», победу делают возможной мудрость и благоразумие Карла V и благодать Божья [2, т. 1, с. 117, 129]. Не так важно, как или кем победа достигается, из чего возникает отсутствие интереса к деталям сражений и роли полководцев (в частности, Дюгеклена). Для нового понимания рыцарства интеллектуальные достоинства важнее физических доблестей и усилий, осмысление и планирование перевешивают по значимости практическую реализацию задуманного [2, т. 1, с. 120]. Карл V в работе Кристины Пизанской – архитектор восстановления королевства.

Одним из основных достоинств государя писательница считает поддержание порядка. В некоторых отрывках «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» такие слова, как *ordre*, *ordenance*, *ordermé*, становятся ключевыми. Их повторение – упрек против беспорядка ее собственного времени. В главе, посвященной королевским выездам, Кристина Пизанская упоминает слово «порядок» девять раз на двух страницах [2, т. 1, с. 51]. Порядок Карла V – моральный порядок, связанный с понятиями справедливости, умеренности, приличия и правоты; он призван служить примером для современных князей и его преемников. Иллюстрацией образцового управленческого порядка является описание императорского визита в Париж в 1378 г. [2, т. 2, с. 99–101]. Многие выезды, шествия, церемонии, пиры и развлечения были предназначены для иллюстрации авторитета, власти и контроля Карла V, а также его милости, богатства и щедрости.

Ораторские и дипломатические способности Карла V в полной мере проявляются в его речи в Лувре перед императором, его сыном, многими принцами и членами королевского совета [2, т. 2, с. 116–117]. В ней он излагает императору и его свите историю ссоры Франции с Англией. Карл V понимал, что получение поддержки

от других европейских держав будет иметь решающее значение в борьбе с Англией. Он знает процессуальные тонкости и юридические вопросы, а также умело использует свои знания для достижения политических целей, за что англичане назовут его «королем адвокатов». Он читает вслух письма «en françois et en latin, affin que chascun mieulx l’entendist» [2, т. 2, с. 118], в которых содержатся документальные доказательства справедливости позиции Франции. Он перечисляет нарушения англичанами договора в Бретињи. Его речь должна убедить нынешних или потенциальных союзников Англии в легитимности позиции Франции в войне.

Вместе с тем власть Карла V далека от индивидуалистических крайностей тирании или деспотии. Он обращается за консультациями и советом к специалистам относительно многих серьезных вопросов: о содержимом ампулы со священным елеем [2, т. 1, с. 95], о принятии апелляции от гасконского дворянства (равносильной объявлению войны Англии) [2, т. 1, с. 125–128], о правовых основаниях для расторжения договора в Бретињи [2, т. 2, с. 19], о признании результатов выборов и о выборе подчинения папе Урбану VI или Клименту VII [2, т. 2, с. 140–141].

Выводы и перспективы дальнейшей разработки проблемы. В результате проведенного анализа «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» Кристины Пизанской можем представить некоторые заключения.

Во-первых, нужно отметить, что с «Книги деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» начинается новый этап в творчестве писательницы. Это первая прозаическая работа известной поэтессы, и с этого времени она будет писать преимущественно прозой. Изменяется также характер ее произведений – теперь это морализаторские, философские и политические трактаты на актуальные, злободневные темы.

Во-вторых, работа Кристины Пизанской находится у истоков мемуарного и биографического жанров, выходя за рамки традиционного для ее времени историописания (представленного хрониками). Информация о жизни Карла V (16 годах его правления) извлекается писательницей из рассказов очевидцев и участников событий, а также из собственных воспоминаний.

В-третьих, хотя произведение задумывалось Кристиной Пизанской как дань памяти, панегирик достоинствам монарха и назидание для принцев следующего поколения (в частности, дофина Людовика Гиенского), оно выходит за рамки традиционного для того времени жанра зеркал – наставлений для наследников престола. Предшествующая назидательная литература использовала исторические примеры для иллюстрации конкретных качеств правителя. Кристина Пизанская впервые сделала воплощением идеала характер и дела одного человека – короля Карла V.

В-четвертых, «Книга деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» выходит за рамки чисто биографического жанра. Простому повествованию о событиях автор предпочитает философскую рефлексию, часто сознательно исключает некоторые исторические детали, оставляет без внимания линейную хронологию, приводит события и нравоучительные примеры из разных периодов жизни монарха вне временной упорядоченности.

В-пятых, Кристина Пизанская, по нашему мнению, предложила новую трактовку рыцарского идеала. Ее суверен олицетворяет новый стиль правления, который подразумевает обязанности короля по отношению к своим подданным и поддержанию мира и общественного блага. Мудрость и благоразумие, согласно писательнице, являются неперемными условиями «рыцарственности» идеального монарха.

Таким образом, структурная парадигма работы отвечает цели создания нового идеала суверена. Образ Карла V для Кристины Пизанской – поведенческая модель монарха, идеальный пример, которому надлежит следовать.

Литература:

1. Blanchard J. Christine de Pizan: tradition, expérience et traduction. Romania. 1990. Tome 111. № 441–442. P. 200–235.
2. Pisan C. de. Le Livre des faits et bonnes moeurs du sage roy Charles le Quint: 2 vol. / éd. S. Solente. Paris, 1936. Vol. 1. 249 p.; Pisan C. de. Le Livre des faits et bonnes moeurs du sage roy Charles le Quint: 2 vol. / éd. S. Solente. Paris, 1941. Vol. 2. 283 p.
3. Pisan C. de. Le livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage / trad. fr. T. Moreau et E. Hicks. Paris: Stock, 1997. 370 p.
4. Pisan C. de. Réd. Laurent Brun. Les Archives de littérature du Moyen Âge (ARLIMA). URL: https://www.arlima.net/ad/christine_de_pizan.html (дата обращения: 07.12.2018).
5. Dulac L. De l’art de la digression dans Le Livre des faits et bonnes meurs du sage roy Charles V de Christine de Pizan. Revue des Langues Romanes. 1993. № 1. P. 115–126.
6. Forhan K.L. The Political Theory of Christine de Pizano. Burlington, Hampshire (England): VT Ashgate, 2002. 201 p.
7. Kennedy A.J. Christine de Pizan: A Bibliographical Guide: in 3 vol. London: Grant and Cutler, 1984. Vol. 1. 131 p.; Kennedy A.J. Christine de Pizan: A Bibliographical Guide: in 3 vol. London: Grant and Cutler, 1994. Vol. 2. 135 p.; Kennedy A.J. Christine de Pizan: A Bibliographical Guide: in 3 vol. London: Grant and Cutler, 2004. Vol. 3. 285 p.
8. Margolis N. Christine de Pizan: the poetess as historian. Journal of the history of ideas. Philadelphie, 1986. Vol. 47. P. 361–375.
9. Zimmermann M. Mémoire – tradition – historiographie. Christine de Pizan et son Livre des Fais et bonnes meurs du sage Roy Charles V. The City of Scholars: New Approaches to Christine de Pizan / éd. M. Zimmermann et D. De Rentis. Berlin; New York: de Gruyter, 1994. P. 158–173.
10. Санжарова Г.Ф., Санжаров В.А. Позднесредневековая политическая мифология во Франции: владыка и его держава. Міф у художній свідомості та культурі ХХ ст. (II Мішуковські читання): матеріали міжнародної наукової конференції. Херсон: ВД «Гельветика», 2017. С. 60–64.

11. Санжарова Г.Ф., Санжаров В.А. Отход от традиций латинскоязычной хронистики: топосы и новации в исторических работах Кристины Пизанской. Мова і культура: науковий журнал. К.: ВД Дмитра Бурого, 2015. Вип. 18. Т. III(178). С. 74–79.
12. Санжарова Г.Ф., Санжаров В.А. Дихотомия государь-народ во французской литературе и историографии XV века (Кристина Пизанская и Жан Жувеналь Дезюрсен). Мова і культура: науковий журнал. К.: ВД Дмитра Бурого, 2010. Вип. 13. Т. IV(140). С. 268–274.

Аннотация

Г. САНЖАРОВА, В. САНЖАРОВ. ОБРАЗ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ У КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ: ИДЕАЛЬНЫЙ СУВЕРЕН – РЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Статья посвящена анализу образа французского короля Карла V в творчестве первого европейского профессионального писателя – Кристины Пизанской (1365–1430 гг.). Описанию французского монарха она посвятила специальную работу. В статье разбираются основные составляющие образа, предлагаемого Кристиной Пизанской в качестве нового идеала суверена. Рассматриваются вопросы об авторских приемах создания образа, соответствии литературной модели реальной личности, отмечается роль авторских отступлений в формировании «живого», реалистичного образа персонажа.

Ключевые слова: Кристина Пизанская, Карл V, король/государь, образ.

Анотація

Г. САНЖАРОВА, В. САНЖАРОВ. ОБРАЗ ФРАНЦУЗЬКОГО КОРОЛЯ В ХРИСТИНИ ПИЗАНСЬКОЇ: ІДЕАЛЬНИЙ СУВЕРЕН – РЕАЛЬНА ОСОБИСТІТЬ ЧИ ЛІТЕРАТУРНИЙ ГЕРОЙ

Статтю присвячено аналізу образу французького короля Карла V у творчості першого європейського професійного письменника – Христини Пізанської (1365–1430 рр.). Характеристиці французького монарха вона присвятила спеціальну роботу. У статті проаналізовано основні складники образу, запропонованого Христиною Пізанською як новий монарший ідеал. Розглядаються питання про авторські прийоми створення образу, відповідність літературної моделі реальній особистості, визначається роль авторських відступів у формуванні «живого», реалістичного образу персонажа.

Ключові слова: Христина Пізанська, Карл V, король/володар, образ.

Summary

G. SANZHAROVA, V. SANZHAROV. IMAGE OF FRENCH KING BY CHRISTINE DE PIZAN: PERFECT SOVEREIGN IS REAL PERSONALITY OR LITERARY HERO

The paper analyses an image of the French king Charles V in works of Christine de Pizan (1365–1430), the first European professional writer. She devoted a special work to the description of the French monarch. Information on Charles V's life, within traditional chronology from birth to death, comes from sixteen years of his reign. The work was meant to be a tribute to the memory of the king, a panegyric of his advantages and edification for the next generation of princes (in particular, dauphin Louis, Duke of Guyenne). However, the book is beyond purely biographic genre. Christine prefers a philosophical reflection rather than simple narration about events, she often deliberately excludes some historical details, ignores linear chronology, gives events and moralizing examples from different periods of the monarch's life out of temporal order. The structural paradigm of the work meets the purposes of creation of a new ideal of sovereign; Charles V's image for Christine is a behavior model for monarch, an example that should be followed by. The previous instructive literature – *Specula* – used historical examples to illustrate specific qualities of a governor. Christine de Pizan for the first time personified an ideal in a character and deeds of one person – the king Charles V. The paper considers main qualities offered by Christine as a new monarchic ideal. The author's methods of image creation, compliance of literary model with real personality are considered; a role of author's digressions in formation of "vivid", realistic image of a character are noted in the paper.

Key words: Christine de Pisan, Charles V, sovereign/prince, image.